Молодой Грифон

Идеалом учреждений, которые мы называем великими тайными культами, было товарищество в стремлении к большему пониманию. Да, это были места для обучения, и источники огромной силы во время раздоров, но их главной целью было не возвышение и не война.

Тайные культы служили вечным напоминанием о том, что каждый человек одинаково ничтожен под солнцем.

— Ты уверен, что не можешь ничего рассказать мне об этом, старший брат?

— Я не могу сказать тебе того, чего не знаю, — подтвердил мой старший в Культе Бушующего Неба. Его пневма явно показывала, что он был культиватором восьмого ранга Софического Царства. Но, несмотря на это, я нашёл его более чем на полпути вверх в гору. Человек его положения мог бы пользоваться удобным старшинством в Культе Розовой Зари, но здесь, в Олимпии, он едва имел доступ к второсортным владениям – ближе него к штормовой короне спали только младшие мистики.

Нет, это было неправдой. Ближе всех к штормовой короне спали мальчишки, которые ходили за мной, как потерянные утки, их опекун и тот уродливый философ, что посмел наложить руки на моего брата.

Но всё равно, это было довольно грустно. Человек такой высокой культивации и такой малой славы. Интересно, чего бы он мог добиться, этот мой старший, если бы не тратил своё время на то, чтобы добиваться одобрения людей, которым не было дела ни до него, ни до его жизни.

— Конечно же, у тебя есть что-то, чтобы рассказать мне, — надавил я на него. Он нахмурился, поправляя груз на своей спине – десятки папирусных рулонов, перевязанных верёвкой, глиняные таблички, завёрнутые в кожу, и всё это находилось в рыбацкой сети.

— Я никогда не смог пройти дальше Сизифа, — с горечью сказал он, подняв руку, чтобы прикрыть глаза от мигающего света сверху. — Там в буре, слова, которыми тебя утешали старшие, теряют всякий смысл. Грохот такой громкий, что не слышно собственных мыслей. Они, конечно, убеждали нас идти в одиночку, но как только старшие скрылись из виду, мы все сбились в кучу как овцы.

— Они не пошли с вами? — спросил я. Кайно говорил, что старейшины посылали всех старших мистиков в Культе Бушующего Неба охранять новых посвящённых во время их испытаний. Обряды посвящения в Розовой Заре были примерно такими же. Все, даже столпы семьи Этос, спускались в сердце восточного горного хребта, чтобы вместе созерцать необъяснимое зрелище павшего бога солнца.

— Они пошли, но только не так далеко, — сказал он, оторвав взгляд от Бури, Которая Никогда Не Прекращалась. Он вздохнул и взъерошил песчаные локоны своих волос. — Чтобы человек мог доказать, что он достоин Бушующего Неба, он должен в одиночку выдержать его тяжесть, пусть даже в течение всего одного шага. Это последнее испытание, которое должен пройти каждый подающий надежды посвящённый.

— Всего один шаг? — спросил маленький король, и я ухмыльнулся презрению в его голосе.

К счастью, мой старший был не менее весел: «Всего один, — подтвердил он, усмехаясь. — И я видел, как мальчишки твоего возраста, обладающие вдвое большей культивацией, терпели

неудачу и дулись всю дорогу вниз с горы, потому что не могли справиться с этим шагом».

— Одной только культивации недостаточно, — заявил маленький король, выпячивая грудь и ударяя по ней кулаком. — Мы с Пиром зайдём также далеко как и Грифон. И даже дальше!

Маленький защитник яростно ударил своего младшего брата по голове, и примерно в то же время мальчишка и сам осознал, что он только что сказал.

— Ты уже... — Мой старший подозрительно посмотрел на меня, нахмурив брови.

— Я уже решил, что доберусь до вершины, — сказал я, и понимание смягчило его выражение, и ностальгический смешок тоже.

— Второй ранг Софического Царства, — сказал он с нежностью и некоторой грустью, оценив моё положение так же, как я оценил его. — Я помню те дни. Я думал, что к этому времени я уже буду участвовать в Играх или, возможно, стану первопроходцем в новой области натурфилософии. Возможности кажутся такими огромными, когда ты только-только достиг подножия горы.

— Ты говоришь как старик, — сказал я, толкнув его локтем в бок. Он рассмеялся.

— Я и есть старик, по меркам Бушующего Неба. И ты от меня не сильно отстаёшь.

— Правда?

— Правда, — подтвердил он. — В деревнях, где такие люди как мы с тобой создали себе имена, капитан Гражданского Царства – звание, достойное уважения. Ни один человек не станет колебаться, предлагая руку своей дочери такому гражданину. Достичь звания капитана Гражданского Царства ещё до совершеннолетия? Твоему отцу пришлось бы отбиваться от невест палкой.

— Не помню чтобы я говорил, что вырос в деревне, — сказал я, приподняв бровь. Он махнул рукой, которой он не держал сеть с текстами, показывая на моё потрёпанное культовое одеяние.

— Ты расхаживаешь по главному культу свободного Средиземноморья, отмахиваясь от старших посвящённых словно это естественно, что они дадут тебе своё время и знания, и при этом носишь цвета культа, представителем которого ты просто не можешь быть, — сказал он. Странное ощущение, что меня одновременно жалеют и поддерживают, охватило меня. — В каком-то смысле, испытание штормовой короной очень похоже на то что испытываешь, вступая в Олимпию после того, как ты всю жизнь разгребал дерьмо на ферме.

— Мне кажется, что ты проецируешь, почтенный старший.

— "Почтенный старший", говорит он, усмехаясь мне в лицо. — Старший культиватор размахнулся свободной рукой, чтобы ударить меня по затылку, чего мальчишки не заметили пока хлопок плоти о плоть не заставил их подпрыгнуть.

Мой старший с любопытством уставился на руку панкратиона, которая перехватила его собственную за мгновение до того, как она ударила меня. Не имея розовых пальцев зари, чтобы сделать её видимой невооружённому глазу, он смотрел на неё с помощью своего

софического чувства. В отличие от агрессивных намерений, с которыми я часто сталкивался после открытия моего Философского глаза, его влияние ощущалось не как волна, а скорее как водопадные потоки питающие ванну. Оно струилось по моей панкратионовой руке, вливаясь в промежутки между пальцами и в складки, оставленные на коже, когда эти пальцы сгибались и разгибались.

Старший философ сжал руку моего намерения, и я сжал его в ответ. Он отпустил её.

— Я не хотел проявить неуважение, — честно сказал я. Он хмыкнул.

— Возможно, ты был прав. Возможно, я действительно проецировал. Конечно, моё намерение и близко не походило на это, когда я был новоиспечённым философом. Как долго ты совершенствовал эту способность?

— Как долго любой человек совершенствует использование своих рук? — спросил я в ответ.

— Потрясающе, — пробормотал он. — Полагаю, что сейчас ты скажешь мне, что ты действительно из Розовой Зари. — Я слабо улыбнулся, и он покачал головой. — Верно, верно. Но на этой горе то, что ты сильнее меня в твоём ранге мало что значит. Я уже сказал это раньше, но капитан Гражданского Царства впечатляет только в поселениях, в которых вряд ли вообще есть граждане. Сколько тебе было лет, когда ты достиг вершины этого царства?

— Семнадцать.

— Значит, сейчас тебе где-то между двадцатью и двадцатью пятью годами, если ты был удачлив, преодолевая этот промежуток, и не потратил ни минуты впустую в учёбе.

Я ничего не сказал, и, благодаря быстрому мышлению маленького защитника, маленький король тоже промолчал.

— Секрет, да? — Мы оба наблюдали за тем, как маленький защитник схватил маленького короля: одной рукой он крепко зажал его рот, а другой он с трудом отбивался от ударов кулаками и локтями брата. — Какой печальный день, когда младший не может доверить старшему что-то столь элементарное.

— Ах, но ты уже поставил меня в невыгодное положение. — Я создал горящие руки между двумя мальчиками, разделив их, а затем, когда они яростно уставились друг на друга, я обрушил на них шквал пощёчин и лёгких ударов. Маленький король и его защитник испустили боевые кличи, выпустив пневму, и начали отбиваться от рук моего намерения.

— Когда я успел? — спросил мой старший, с явным интересом наблюдая за теперь уже видимыми конечностями.

— Ты видел проявление моей души, — сказал я, сотворив перед его лицом ещё одну руку панкратиона, достаточно близко чтобы его глаза скосились, когда он смотрел на неё. Я сгибал и разгибал пальцы зари, поворачивая конечность то в одну, то в другую сторону, чтобы он мог понаблюдать за ней. — Ты также слышал моё имя, хотя оно было дано тебе из вторых рук, но я до сих пор не знаю твоё.

— Хилон, — сказал он, не отрывая взгляда от конечности панкратиона, даже когда он протянул мне свободную руку. Когда я сжал её пальцами из плоти и крови, он выглядел почти разочарованным. — Раньше я этого не замечал, но при свете… — Его глаза замерцали,

прослеживая тени, отбрасываемые розовым светом зари, – слабый силуэт руки за пылающей ладонью. — Но ведь это ещё не всё, не так ли? Здесь есть что-то ещё, чего не видно, верно?

— У тебя острый глаз, Хилон, — похвалил я его.

— И что освещает её? Это не совсем огонь, но это больше, чем просто свет.

— Это называется Розовые-Пальцы Зари.

Он тяжело выдохнул: «Разумеется. Тем не менее, это интересная техника. Ты можешь контролировать тепло и интенсивность света?»

— Могу. — Позади нас, борясь за каждый шаг против шквала панкратионовых рук, лишь достаточно ярких, чтобы отвлечь взгляд, и лишь достаточно горячих, чтобы дать понять, что они обжигают, мальчики были достаточным тому доказательством. Напротив, рука, зависшая перед лицом Хилона, горела достаточно ярко, чтобы ослепить Гражданского культиватора.

— Ты говорил о моём возрасте? — Я спросил его, когда он продолжил направлять потоки своего влияния и большую часть своего внимания на руку панкратиона. Я развоплотил её и он моргнул, возвращаясь к себе.

— Верно. Что ж, какого бы возраста ты ни был, из какого бы захолустного городка или Острова под Солнцем ты не был бы родом, факт остаётся фактом: ты взрослый человек и всего лишь Философ второго ранга. Я прав хотя бы в этом?

— Да.

— Тогда обстоятельства вряд ли имеют значение, — сказал он, и убеждённость вернулась к нему, когда он продолжил читать лекцию. — Даже самый сильный муравей в колонии – всё равно остаётся муравьём. В том мире, где я вырос, достичь Софического Царства к двадцати годам было подвигом, достойным празднования. О нём стоило рассказывать истории, как будто я полностью пропустил второе царство и сразу перешёл в третье. Но города-государства свободного Средиземноморья – это совершенно другой мир, и стандарты в них соответствующие.

— Когда мне предложили возможность принять участие в испытаниях, необходимых для поступления в Бушующее Небо, моя семья устроила вечеринку. И когда руководящие люди нашего городка узнали об этом, они отругали моего отца за то, что он не сказал им об этом раньше. Тогда они объявили праздник в мою честь, а соседи и дальние родственники, у которых я вырос, выполняя работу по дому, посадили меня себе на плечи, каждый из них по очереди, чтобы пронести по городу. Как будто я был самим Гераклом. Дети, с которыми я делил уроки, мальчишки, которых я считал своими соперниками, и девочки, к которым я испытывал чувства, осыпали меня похвалами и умоляли помнить о них, когда я уйду.

Хилон остановился на следующей ступеньке, и его рыболовная сеть, полная папируса и глиняных табличек, упала на ступеньки возле его ног. Он откинул голову назад, не отрывая взгляда от занавеса яростной невзгоды, навсегда омрачившей двери Бушующего Неба.

— Меня ещё даже не приняли, — прошептал он, словно он всё ещё не мог поверить в это. — Мне был лишь дан шанс – но для этих людей, которых я знал всю свою жизнь, я мог с тем же успехом поймать молнию в свои руки.

— Но тебя приняли, — заметил я. Он склонил голову в лёгком кивке.

— Но меня приняли. И когда я присоединился к остальным под Бурей, Которая Никогда Не Прекращается, решительный подняться так же высоко, как и остальные из моих товарищей посвящённых, я кое-что понял. Я был самым старым среди них.

Маленький король зарычал: одна из моих панкратионовых рук извивалась, когда маленький защитник схватил её своими руками, и зубами. Старший из двух мальчиков держал её крепко, пока младший изо всех сил отгибал ей средний палец. Оба мальчика нахмурились и подтянули плечи, выдерживая пощёчины и удары остальных моих панкратионовых рук. Слабый привкус крови появился у меня в горле, когда средний палец моей панкратионовой руки сломался с уродливым треском.

Мальчики Лефтериса торжествующе закричали, и я вознаградил их за упорство ещё десятью руками.

— Мне было двадцать лет, и я был в первом ранге Софического Царства, — сказал Хилон. — Из всех моих сверстников только трое из них были так же слабы, как я. И никто из этих троих не был достаточно старым, чтобы отрастить волосы на подбородке. Но это было ещё не самое худшее.

— Твои старшие, — догадался я. Он хрипло рассмеялся. Это был совсем другой тип безнадёжности, чем тот, который я встретил в наших Героических товарищах. Это было что-то, с чем он давно смирился. Мой гнев вспыхнул в кипящих красных глубинах костного мозга Держателя-Поводьев.

— Мои старшие, да. В тот день их были десятки. В любое другое время половина старших посвящённых Бушующего Неба, естественно, находится вне культа, либо по делам старейшин, либо, занимаясь тем, чем они хотят. Только обряд посвящения может вернуть их всех обратно. Когда приходит время противостоять Бушующему Небу, каждый индиговый сын возвращается домой, чтобы встать рядом со своими новыми братьями и сёстрами в знак солидарности.

— Среди всех этих культиваторов, ни один не был ниже пятого ранга Софического Царства – поворотной точки, когда человек становится больше легендой, чем смертным. Капитаны Софического Царства были многочисленны, и некоторые из них были слишком молоды, чтобы жениться. Даже Герои отрывались от своих эпопей, чтобы поддержать нас.

— В тот день я увидел Героя, который был моложе меня, — сказал Хилон, подавленный и восхищённый одновременно. — Он обходил толпу, как и многие старшие, но там, где старшие подбадривали нас, он подбадривал старших. Готовил их к очередному походу в гору. К очередному сражению с невзгодами.

— Знаешь, это совсем другое дело. — Хилон бросил на меня боковой взгляд. — Ничто не может по-настоящему подготовить тебя к Буре, Которая Никогда Не Прекращается, даже тот, кто уже пережил её. Но когда Герой произносит слова… Даже посреди грохочущего грома, когда звук теряет всякий смысл, эти слова остаются. Старший Философ мог видеть молнию своими глазами, но Герой уже ощутил её прикосновение. И он выжил, чтобы Музы могли петь об этом.

Я сжал пальцы правой руки, той, что из плоти и крови. В любой момент я мог ощутить молниеносный жар, исходящий от черепа гончей невзгоды. Это ощущение было таким же ярким сейчас, как и тогда.

— Я верю тебе, — просто сказал я, и он вновь обратил свой взор к буре.

— Конечно, не я один наблюдал за ним – мои сверстники были так же очарованы, как и я, видом стольких необычных мужчин и женщин. Но в конце концов он обратил свой взор на меня. Он оглядел меня с ног до головы глазами, в которых горело пламя его победоносного духа. До этого момента, он разговаривал со старшими с любовью старшего брата, несмотря на то, что он был младше многих из них. Он напутствовал моих сверстников словами тихой силы и суровым отцовским ожиданием, когда казалось, что самые младшие из них вот-вот упадут в обморок.

Хилон потёр большим пальцем правый глаз. Непролитые слёзы блестели в свете бури.

— А потом он увидел меня, двадцатилетнего мужчину, стоящего на самой низкой ступени, самого низкого царства, которое принимает Бушующее Небо. — Его голос был густым от эмоций. — И это ощущалось, словно он смотрел на мусор.

Я сжал зубы.

— Отвечая на твой первый вопрос, — наконец сказал он после долгой минуты, когда единственными звуками были приглушенный гул штормовой короны и сражающиеся мальчишки позади нас, — я не могу сказать тебе ни слова об истинной тайне Культа Бушующего Неба, потому что я бы не разговаривал с тобой, если бы я был тем человеком, который может до неё добраться.

— Испытание Бушующего Неба не начинается по настоящему, пока вы не окажетесь в буре. Старшие сопровождают новую кровь в бурю, почти на треть пути к вершине, и Героические культиваторы, среди них, поднимаются в самое сердце бури, чтобы отвести худшее. Иначе не было бы новой крови, чтобы заполнить жилища младших.

— И тогда они отпускают тебя погулять, — сказал я, прислонившись спиной к естественным стенам горы и наслаждаясь нежным теплом аметистовых вен.

— Хлопком по спине и крепким толчком, да. Одного шага в сторону от толпы достаточно, чтобы получить допуск, но предупреждаю тебя, как мои старшие предупреждали меня – любой посвящённый Бушующего Неба, который не выйдет, хотя бы, из поля зрения своих старших, вскоре пожалеет, что вообще приехал в Олимпию.

Я вспомнил те, по общему мнению, неистовые часы, которые я провёл в Буре, Которая Никогда Не Прекращалась. Тогда, когда я отходил от статуи, достаточно было сделать три шага, чтобы она исчезла из поля моего зрения.

— Это не намного лучше, — размышлял я.

— Нет, это, в лучшем случае, разница в пять шагов, — согласился он, тяжело опустившись на каменную ступеньку и возившись с узлами, скрепляющими его рыболовную сеть. — Но этот пятый шаг – это разница между небом и землёй. Неважно, где ты находишься – в пяти шагах от группы или на самом пике горы, – изолированность одна и та же. В этот момент ты испытываешь то, что тебе не может дать ни один другой культ. То, что каждый культиватор до царства Героев убил бы, чтобы узнать.

Я вспомнил молнию. Я вспомнил бурю.

— В этот момент, — сказал Хилон, — ты понимаешь цену вознесения. Стоя в одиночку против гнева самих небес, ты наконец осознаешь, что значит "бросить вызов правилам природы".

Испытание Бушующего Неба – это предупреждение и приглашение. Первый кириос, тот, кто создал это учреждение, обращается к вам из самых дальних глубин Тартара: «Вот что нужно, чтобы стать человеком, о котором стоит рассказывать истории. Это самое малое из того, что должен пережить герой».

— Когда мои люди узнали, что я кандидат на вступление в этот культ, они рассказывали обо мне истории, как будто они достойны того, чтобы их услышать, — сурово прошептал он, и содержимое его рыболовной сети выплеснулось наружу, когда он развязал основной узел. Свитки папируса покатились вниз по ступеням, глиняные таблички выскользнули из кожаных оболочек и упали на непрощающий камень.

Маленький Лео и Пир рухнули, когда мои панкратионовые руки резко отдёрнулись от них, они прислонились плечом к плечу и обменялись победными ухмылками, пока они пытались отдышаться. Я поймал каждую из падающих скрижалей, прежде чем они успели разбиться, подхватил все папирусные свитки, прежде чем они успели упасть с горы. И я молча наблюдал, как мой старший, игнорируя то, что он едва не потерял, перебирает оставшееся содержимое у себя на коленях.

— До самого дня своей смерти мои родители присылали мне сообщения всегда, когда могли, прося меня рассказать о том, как я провёл время в Бушующем Небе. Каждый год, день, когда я впервые получил известие о своей кандидатуре, они отмечали его так, словно это был религиозный праздник. И с каждым прошедшим годом они всё больше убеждали себя, что я уже превзошёл царство Философов, что я Герой, которым, как я хвастался, скоро стану, когда уйду. Они умоляли меня рассказать им о моих подвигах, чтобы они могли поведать о них всем своим соседям.

Он наконец нашёл то, что искал, – кожаный мешочек, до отказа набитый листами папируса. Когда он вытаскивал их один за другим, стало ясно, что самый свежий из них был отправлен ещё до моего рождения. Чернила выцвели почти до прозрачности, а листы стали коричневыми от возраста.

— Я никогда не отвечал на них. Ни на одно, — сказал он и наконец поднял на меня глаза. Что бы он не увидел на моём лице, это только рассмешило его. — Мои извинения, Грифон. Вот почему я никогда не даю наставления младшим. Я вряд ли на это гожусь.

— Остальные, — сказал я, тщательно выверяя слова. Мои панкратионовые руки подняли в воздух то, чему он позволил упасть. — Это тоже послания из дома?

— Нет, — сказал он, с нежностью наблюдая за тем, как они дрейфуют вокруг него. — Это истории, которые я собрал за моё время, проведённое здесь. Истории, достойные рассказа.

— Куда ты их несёшь? — спросил я.

— Куда бы я не пошёл. У большинства людей есть реликвия, что близка их сердцу. Подарок от предков или, возможно, знак благосклонности возлюбленного.

Я бессознательно поднял руку, перекатывая между пальцами алый драгоценный камень, который висел на ожерелье моего предка. Тот самый, который я украл из семейных прудов во дворе моего отца пять месяцев и целую жизнь назад. Хилон кивнул.

— Каждому культиватору нужно что-то, чтобы утешить себя, когда он окажется один против Судьб. Признаться, я мог бы выбрать что-то более разумное, но я тот, кто я есть. Эта сеть и всё её содержимое – это моя драгоценная реликвия. Каждый из этих свитков и скрижалей – это

история, рассказанная мне во время моего пребывания в Олимпии, история о Героической душе, которую не смогли убить даже молнии невзгоды.

— Ты носишь их все с собой, и письма твоей семьи, — указал я.

— Да.

— Почему?

Хилон, старик с лицом и телом двадцатипятилетнего юноши, по-мальчишески улыбнулся мне, в одно мгновение сбросив все свои годы.

— Потому что, когда этот герой осудил меня своим взглядом, я пообещал себе, что не произнесу ни одного хвастливого слова, пока не превзойду его. Я игнорировал все письма, которые присылала мне моя семья, все просьбы об информации – даже когда они лишь хотели узнать жив ли я. Что я цел и счастлив. Мне было слишком стыдно даже читать их больше одного раза, не говоря уже об ответе.

— И когда они умерли, и мои братья и сестры перестали пытаться достучаться до меня, перестали верить, что я вообще прошёл обряд посвящения, я понял, каким дураком я был. Я понял, что все эти годы, что я гнался за тенью того Героя, не дали мне ни минуты радости. Я понял, что самым счастливым временем моей жизни было, когда я ехал на плечах моего отца, пока он возил меня по городу, и прижимал к себе мою мать, когда от радости у неё начали подкашиваться ноги.

— Значит, ты отказался от идеи стать героем? — спросил маленький защитник. Мальчики перевели дыхание и взобрались мне на спину, снова заглядывая через мои плечи.

— Вовсе нет, — сказал я. Ярость в моей душе снова улеглась. — Он просто сместил свой фокус. — Хилон щёлкнул пальцами, указывая на меня.

— У тебя тоже острый глаз, — сказал он, и я фыркнул. От этого его ухмылка только усилилась. — Здесь и в любом другом великом городе шестидесятилетний старик на восьмой ранге Софического Царства вряд ли заслуживает признания на агоре, не говоря уже о том, чтобы прислушаться к нему. Прошло больше десяти лет с тех пор, как я поднялся с седьмого ранга на восьмой. Мои перспективы ужасно мрачны.

Вопреки моим стараниям, мои губы начали искривляться: «Но даже так».

— Но даже так, — согласился он. — Я сделаю эти три последних шага к славе. Даже если на это уйдёт остаток моей естественной жизни, остаток естественной жизни каждого человека – даже если звёзды погаснут и солнце упадёт с неба, я стану человеком, о котором стоит рассказывать истории.

— А что потом? — спросил маленький король. Его разноцветные глаза пристально смотрели на старшего Философа. — Что ты сделаешь после этого? Станешь Тираном?

— Нет. — Хилон покачал головой, аккуратно убирая пачку писем обратно в кожаный мешочек. — Тогда я отвечу на каждое письмо, которое прислали мне мои родители, потому что у меня наконец-то появится история, которую они смогут рассказать.

— Но они же… — На этот раз рот маленького короля закрыла моя собственная рука из плоти и

крови.

Я склонил голову перед стариком.

— Спасибо за вашу историю, старший софист. Я с нетерпением буду ждать продолжения.

Хилон тепло улыбнулся. Я вложил в его сеть все истории, которые он едва не потерял, и он закрыл её отработанными движениями. Но когда он поднялся на ноги и перекинул её через плечо, у его ног остался ещё один свиток. Я поднял его рукой панкратиона, протягивая ему.

Его взгляд остановился на рисунке, нанесённом тушью на внешнюю сторону папируса. На картине чернилами были изображены четверо юношей, стоящих бок о бок под пёстрым коричневым кольцом.

Большой палец моей панкратионовой руки провёл по кольцу, и от него откололся кусочек, и я понял, что это засохшая кровь. Когда этот свиток был впервые написан, эти четверо юношей стояли под алым солнцем.

— Оставь его себе, — сказал Хилон. — Подарок для моего младшего, пришедшего из самой Розовой Зари. Её стоит прочитать, это я тебе обещаю.

Вместо того чтобы поблагодарить его ещё раз, я протянул ему руку, он протянул свою, сжимая моё предплечье, а я – его.

— Я дошёл до статуи Сизифа, и не шагу дальше, — сказал он, пристально глядя на свою руку. Там, чуть выше места, где была моя рука, виднелся слабый шрам. Странное зрелище для культиватора его уровня. — Когда ты пойдёшь, то в качестве доказательства своего прогресса постарайся найти статуи тех, кто пал до нас. Каждая из них несёт клинок. Когда ты больше не сможешь продвигаться дальше, заставь себя идти, пока не найдёшь ещё одну статую. Оставь свою кровь на её лезвии, и всё Бушующие Небо узнает, как далеко ты продвинулся в борьбе с Бурей, Которая Никогда Не Прекращается.

— Как они узнают, какой клинок оставил след? — спросил я, поворачивая его предплечье, чтобы получше рассмотреть шрам. Из всех клинков, которые я забрал с этой горы – и которые теперь скрывались в моей тени, – я мог вспомнить лишь несколько, которые могли бы оставить след, заметно отличающийся от этого.

— Эти статуи – мемориалы тех историй, на которых мы выросли. — То, что вначале было непритязательно красивым лицом, когда я отметил его как лёгкую мишень, теперь стало слегка диким от его страсти. — Это звезды на небе, на которые мы смотрели в детстве, которые, как обещали нам наши родители, мы сможем взять в свои руки, если только мы действительно постараемся изо всех сил. Эти мужчины и женщины, эти гиганты, монстры и святые провидцы – они это занавес неба над головой. Неважно, кто ты, неважно, где ты, – каждый сын Елены видит одно и то же, когда смотрит на космическую славу.

Когда он произносил эти слова, его влияние наложило их на мою душу. Мир, коим я его знал, рассыпался, а на его месте –

— Вот он, Хилон, — прошептала моя мать, пока я лежал у неё на коленях. Её рука указывала вверх, на бескрайние просторы света. — Вот Сизиф, толкающий свой валун в гору. Вот тиран, что обманул смерть.

– я увидел созвездие, вырезанное на его руке. Это был шрам, оставленный на его душе так же, как и на его теле. Это было то, что я не смог бы подделать, даже если бы попытался.

— Приятно знать, — сказал я, имея это в виду дважды. — Но если только тайна культа не имеет собственного клинка, я не намерен спускаться со шрамами.

Его пневма завибрировала вокруг него. Не продвижение, не совсем – но обещание, что оно не за горами.

— До вершины? — спросил он, хотя он уже знал.

— До вершины.

Идеалом великих тайных культов было братство под бурей. Признание того, что независимо от того, сколько тебе лет, независимо от того, какое место ты занимаешь среди неба и земли, некоторые тайны просто не могут быть разгаданы. Каждый человек с равной вероятностью не сможет достичь этого невозможного понимания. Любой человек мог смиренно встать рядом с тобой, созерцая неизвестное.

Мы отпустили друг друга одновременно. Хилон повернулся и пошёл вверх на гору, продолжая подниматься к своим покоям. А может, и дальше. Я сунул подаренный им свиток с четырьмя нарисованными юношами и кровавым солнцем в самодельный ранец на поясе, который я сделал из золотой шали старухи. Свиток лёг рядом с кипарисовой маской невзгоды, которую я взял у Мельпомены.

— Ты должен чаще давать советы своим младшим, Хилон, — сказал я через плечо и начав идти вниз по горе, пока мальчики махали ему на прощание. Шестидесятилетний Философ повернул голову, сдвинув сеть, которой он ловил истории, чтобы посмотреть на меня.

— Почему? — спросил он.

"Почему?" Никчёмный старик, это должно быть очевидно.

— Потому что у тебя хорошо получается.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3570207